

Digital Orientalia 2013-2024

ISSN 2079-8784

URL - <http://ras.jes.su>

Все права защищены

№ 1-2 Том 3. 2023

Когнитивная трансформация художественных образов в японских переводах Ф. М. Достоевского: опыт цифрового анализа

Стрижак Ульяна

*доцент Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики, академический руководитель ОП "Востоковедение", Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"
Российская Федерация, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11*

Аннотация

Феномен «Достоевский и Япония» является предметом активного рассмотрения достоевистов всего мира, а переводы его произведений на японский язык продолжают вызывать многочисленные дискуссии переводчиков и литературоведов, как очные, так и опосредованные. Одной из центральных тем для обсуждения является проблема художественного образа у Ф.М. Достоевского, которая обычно рассматривается с помощью традиционных методов филологического анализа. Вместе с тем набирает обороты лингвистическое изучение литературных текстов: выявление методами корпусной и компьютерной лингвистики различных тенденций, статистически значимых закономерностей и т.д., что становится все более востребованным в различных областях филологического интереса: в изучении динамики развития сюжетов, анализе ритмической организации текстов, в исследованиях грамматических и лексических особенностей личного стиля писателя и др. Использование цифровых технологий, помимо задач, связанных с обработкой данных, позволяет формализовать указанные задачи, изложить филологическую проблему на языке алгоритмов. В рамках данной работы с помощью методов анализа больших данных будут проанализированы механизмы когнитивной трансформации образа Родиона Раскольникова из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и

наказание». Исследование выполнено на материале авторского параллельного корпуса русско-японских переводов, для которого методом сплошной выборки были отобраны исходные предложения, содержащие несвойственные японскому языку пропозициональные установки: элементы воздействия неодушевленного субъекта на человека. Это поможет проследить, как в японском представлении происходит противостояние персонажей произведения внешней Силе, представляющей неодушевленный мир, сделать выводы о сформированности типизированного лингвистического опыта у носителей японского языка и определить способы когнитивной трансформации художественных образов иноязычной литературы в японском представлении.

Ключевые слова: японские переводы текстов Ф.М. Достоевского, когнитивная трансформация, цифровая филология, художественный образ, агентивность

Дата публикации: 25.09.2023

Ссылка для цитирования:

Стрижак У. Когнитивная трансформация художественных образов в японских переводах Ф. М. Достоевского: опыт цифрового анализа // Digital Orientalia – 2023. – Том 3. – № 1-2 С. 50-64 [Электронный ресурс]. URL: <https://do.jes.su/S278240120027689-0-1> (дата обращения: 04.07.2024). DOI: 10.31696/S278240120027689-0

¹ Феномен «Достоевский и Япония», творчество самого известного в Японии писателя традиционно являются предметом активного изучения достоевистов всего мира, а переводы его произведений на японский язык продолжают вызывать многочисленные дискуссии переводчиков и литературоведов, как очные, так и опосредованные. Интерес к «японскому Достоевскому» обнаруживается в самых разных сферах филологического научного дискурса: художественный стиль Достоевского, его религиозно-философские взгляды, сюжетные линии, историко-культурная обусловленность проблематики его произведений и т.д. Одной из центральных тем для обсуждения является проблема художественного образа у Достоевского: является ли князь Мышкин положительным или отрицательным героем, какова природа верования Сони Мармеладовой, в чем феномен послушания Алеши Карамазова, что конкретно толкнуло на преступление Раскольников – эти и другие вопросы обсуждаются на конференциях, в личных беседах, в академическом научно-исследовательском поле. В течение последних двух десятилетий в Японии обострилось противостояние классической переводческой школы, придерживающейся преимущественно стратегии сохранения исходного текста при переводе, и школы «нового перевода», одной из основных задач которой является относительное упрощение оригинальных текстов с целью популяризации мирового классического литературного наследия; в качестве наиболее ярких представителей «нового перевода» называют таких известных переводчиков, как Камэяма Икуо, Ура

Масахару, Мотидзуки Тэцуо (русская литература); Андзай Тэцуо и Нандзё Такэнори (английская литература); Окадзава Сидзуя и Сакаёри Синъити (немецкая литература); Кудо Ёко (французская литература) и т.д. В японских СМИ в 2007 году неоднократно звучали призывы к «наслаждению великими писателями в новых переводах» под лозунгом «Обновленная классика – вот теперь это можно прочесть»¹. Это противостояние привело к ожесточенным спорам вокруг фигуры и наследия Достоевского, предметом которых становится противоречие между традиционным академизмом и коммерческими стратегиями завоевания «рядового неискушенного читателя»; это противостояние сопровождается иногда очень смелыми оценками: от восхищенных отзывов о работах «новой школы», акцентирующих «ошибки, но ошибки чудесно-возмутительные», или: «при взгляде на страницу возникает ощущение свежести»; до недоумения по поводу недавнего провозглашения лозунгов о «светлом и весёлом Достоевском», «Достоевском как продукте» [1, с. 24, 49]; дело доходило до прямых обвинений коллег-японских переводчиков в мифотворчестве и трюкачестве: так, группа исследователей творчества Достоевского под руководством почетного профессора Университета Тиба Т. Киносита назвали переводы И. Камэяма «абсурдной интерпретацией русского языка» и «сенсационной маскировкой, обманывающей не знающих русского языка любителей Достоевского»². В общественном и профессиональном дискурсах указывается, что «воскрешение» переводной классической литературы в Японии, ставящее своей целью освежить трудно воспринимаемые тексты «легкими и простыми словами, которые дойдут до самой глубины сердца современного читателя, который мог бы заблудиться в авторитетных высказываниях классиков» (из рекламных материалов издательства «Кобунся»), часто приводит к избыточному упрощению текстов и иногда к невозможным семантическим потерям. К таким выводам чаще всего приходят, опираясь на традиционные методы филологического анализа: медленное чтение, наблюдение, сравнительно-сопоставительный и композиционный анализ жанровых, стилистических особенностей текстов и т.д. Действительно, традиционно литературоведческий анализ осуществляется в рамках гуманитарного подхода с использованием преимущественно перечисленных выше качественных методов исследования. Однако следует учитывать, что с развитием цифровых технологий в последнее время набирает обороты *лингвистическое изучение литературных текстов*: выявление методами корпусной и компьютерной лингвистики различных тенденций, статистически значимых закономерностей и т.д. Это становится все более востребованным в различных областях филологического интереса: в изучении динамики развития сюжетов, анализе ритмической организации текстов, в исследованиях грамматических и лексических особенностей личного стиля писателя: частоты и распределения лексических единиц, предпочтений частей речи и глагольных форм и т.д. Использование цифровых технологий, помимо задач, связанных с обработкой данных (помощи в решении рутинных задач автоматического извлечения информации), позволяют формализовать указанные задачи, изложить филологическую проблему на языке алгоритмов, например: семантические издания Digital Tolstoy³ и Chekhov Digital⁴, ставящие своей целью исследовательскую работу по выявлению смыслов и взаимосвязей значений,

контекстов, дат, фактов внутри и между текстами на базе машиночитаемой разметки и аннотирования текстов; количественное исследование башкирского стиха с использованием современных статистических инструментов, включая создание сгенерированных башкирских поэтических текстов с использованием искусственных нейронных сетей, выполненное Б.В. Ореховым; проект исследовательской группы СПбГУ под руководством Ф.Н. Двинятина по цифровому исследованию поэтики В. Набокова⁵ и др. Развитие инструментальной и методологической баз обработки и анализа текстов компьютерными методами обеспечивает получение результатов на новом качественном уровне – данные количественного анализа в дальнейшем используются для литературоведческой интерпретации. Литературные тексты – это сложноформализуемый объект; из него можно вычлени́ть факты и придать им числовой характер; гораздо труднее вычлени́ть смыслы в каком-либо формализованном виде; в результате, на сегодняшний день цифровой филологический анализ имеет дело с проблемами разной степени сложности: от технических задач оцифровки и обработки литературного наследия до трудоемких процессов тематического моделирования, стилеметрии, ритмической организации прозаического и поэтического текстов, классификации и кластеризации персонажей, анализа эмоциональной тональности текста (*sentiment analysis*) и т.д. В обозначении концептуальных задач, стоящих перед количественным литературоведением, значимо одно из первых указаний (данное переводчиками исследования Ф. Моретти во вступлении к его работе «Дальнее чтение») на возможность «с помощью цифровых методов открыть путь к проверке гипотез и экспериментам – малознакомой в литературоведении области научной работы. Количественная основа здесь – не самоцель, а эмпирическая платформа анализа, цифры, ведущие к смыслам, к широкомасштабным выводам не о дискретном ряде выживших в культуре канонических текстов, но о непрерывном пространстве форм, стилей и жанров» [2, с. 15]. Сегодняшнее состояние цифровой филологии *digital literary studies* ёмко описывает Б.В. Орехов, подчеркивая, что пока мы имеем дело только с «внешними способами реализации этого смысла, то есть со словами, их сочетаниями, с их распределением в тексте. Этого, конечно, пока еще недостаточно, но, наверное, чем дальше будет развиваться машинное обучение, так называемое *deep learning*, нейронные сети, тем ближе мы будем к пониманию того, как текст производит впечатление на человека, когда возникает напряжение, когда, наоборот, у человека теряется внимание к тексту и он задумывается о чем-то другом» [3]. В работе Ф. Моретти приводятся примеры конкретных задач: «все литературоведы анализируют стилистические структуры – несобственно прямую речь, поток сознания, избыточный мелодраматизм и прочее. Однако удивительно, как мало мы, по сути, знаем о происхождении этих форм. Когда они на своих местах, мы знаем их назначение; однако как они вообще там оказались? <...> Никто не знает. Тщательно просеивая тысячи вариантов и модификаций, квантитативная стилистика цифрового архива может найти ответы» [2, с. 229]. Итак, с помощью анализа данных становится возможным поиск закономерностей на материале больших массивов обработанной информации. Ранее с помощью таких методов уже были рассмотрены критерии привлекательности текстов «новой школы перевода» для японских читателей [4], обуславливающие легкость восприятия иноязычной переводной литературы в Японии, изучены языковые факторы этой «читабельности» путем анализа

больших данных на уровне как лексической, так и грамматической семантики. Лексический уровень проще: слова представляют собой фиксированные единицы как состоявшиеся факты, которые довольно легко извлекаются и анализируются (об этом свидетельствует и степень развитости цифровых методов в анализе лексических единиц: использование векторных моделей в дистрибутивной семантике для изучения близости и сочетаемости единиц, n-gram анализ для выявления уникальности и встречаемости, и т.д.). Используя эти методы, мы ранее пробовали на материале всего корпуса выделить биграммы, описывающие взаимодействие Раскольникова с внешними силами: например, в ходе анализа общей агентивности определяли самые частотные аргументы для предикатов воздействия (например, обнаружилось, что «мучают» Раскольникова чаще всего *вопросы* и *воспоминания*, а «давит» его эмоциональный ряд из *тоски*, *тревоги*, *отвращения* и *ощущения бессилия*). Похожий анализ был проведен и в контексте динамики развития сюжета романа: оказалось, что в первой части основными влияющими на состояние главного героя факторами являются *страх*, *духота* и *жара*; во второй части – *страх*, *озноб* и *холод*; в третьей – различные *обстоятельства* (причем не только *нищета* и *бедность* загоняют Раскольникова в тупик, но и в отношении матери Раскольникова обнаруживаются некоторые *обстоятельства*, которые не позволяют ей *переступить черту* – иными словами, являются высокоагентивными⁶ единицами высказывания); в четвертой части в список руководящих поведением Раскольникова понятий включаются *мысли* и *доводы рассудка*; в пятой – *сведения* и *неудачи*; в шестой – *мысли* и *тоска*. Лексический анализ высвечивает основные узлы значений, а для определения характера связи между ними необходимо выходить на уровень синтактики, что требует немного иного подхода, т.к. отношения между фактами вычленяются и формализуются сложнее, да и синтаксические анализаторы для восточных текстов разработаны еще недостаточно. Тем не менее, в данной работе с помощью методов корпусной и компьютерной лингвистики мы на синтаксическом уровне проанализируем актантно-предикатную структуру японского переводного высказывания, проверив тем самым уровень агентивности воздействующего субъекта. В результате мы сможем извлечь из переводных текстов мотивы героев романа уже в японском понимании и понять, какие внешние силы и с какой интенсивностью побуждают Раскольникова и других персонажей романа совершать именно такие поступки; на основании этого можно будет определить степень сохранности или трансформации художественных образов и понять когнитивные основания таких переводческих решений. * * * Языковым материалом данного исследования послужил фрагмент авторского параллельного корпуса русско-японских переводов, для которого методом сплошной выборки были отобраны исходные предложения на русском языке из романа «Преступление и наказание», содержащие несвойственные японскому языку пропозициональные установки – элементы воздействия неодушевленного субъекта на человека. Таким образом, стало возможным проследить, как в японском представлении происходит противостояние персонажей произведения внешней Силе, представляющей неодушевленный мир: эта Сила может быть стихией (*туман окутывает, сырость прохватывает, иней облепляет*); элементом предметного мира (*письмо мучает, шампанское ударяет*); продуктом интеллектуальной деятельности (*мысль озаряет, разговор сдерживает, вопрос тревожит*); чувством (*любовь*

воскрешает, чувство давит, страх охватывает); социальным проявлением человеческого существования (*вежливость требует, внимание тяготит, бремя ответственности давит, джентельменничанье влияет на женщину*). В русском высказывании все эти понятия синтаксически занимают позицию главного актанта, но для японского языка такое распределение ролей является когнитивно инородным, поэтому требуется трансформация. Вектор направленности этих трансформационных процессов показывает, как японцы воспринимают воздействие таких «внешних сил» в контексте своего повседневного существования – принимают такое влияние как должное, допуская на ведущие синтаксические позиции высокоагентивные неодушевленные понятия, что нарушает иерархические представления японцев об устройстве окружающего мира, или фокус внимания смещается на человека, вокруг которого разворачиваются низкоагентивные процессы. Все это позволит нам сделать выводы не только лингвистического характера – о типовой структуре японского предложения; эти выводы станут основой для дальнейшей интерпретации текста в ходе филологического анализа и помогут в определении обусловленности поступков Раскольникова и других персонажей романа, их способности к сопротивлению, степени необратимости происходящего и т.д. Такую совокупность признаков, отражающих процесс воздействия на объект, мы и определяем как *агентивность*, а ее степень считаем зависимой от выраженности следующих признаков: у субъекта/объекта – одушевленность (наличие сознания, воли, а также способности ощущать, *sentience* в англоязычной литературе), автономность, контроль, намеренность, степень вовлеченности в ситуацию; у предиката – динамичность/статичность, а также наличие и интенсивность воздействия (определяемые его валентностью как в грамматическом, так и семантическом выражении). В рамках данного исследования были отобраны и проанализированы внешние воздействия на персонажей романа, осуществляемые неодушевленными субъектами: природными явлениями, продуктами интеллектуальной деятельности, психическими состояниями, предметами и т.д. Вычисление количественных показателей агентивности высказывания с неодушевленным субъектом осуществлялось не на уровне отдельных элементов, а приписывалось предикатной синтагме в целом, с учетом всех её аргументов. В анализируемом фрагменте корпуса каждому исходному предложению соответствуют пять переводов на японский язык, выполненных в хронологическом диапазоне от 1914 до 2009 г.; всего для этого массива данных было отобрано 1165 обработанных единиц, представляющих собой полные предложения или их отрывки, репрезентирующие всех основных участников ситуации, релевантных для описания агентивности в поведении персонажей. Выборка данных была относительно сбалансирована по хронологическим критериям принципом простого пропорционального квотирования: в ней представлены переводы первой половины XX века (Накамура Хакуё 1914 г., Ёнэкава Масао 1935 г.), второй половины XX века (Кудо Сэйитиро 1961 г., Китагаки Нобуюки 1967 г.) и перевод начала XXI века (Камэяма Икуо 2009 г.). Метаданные содержат результаты синтаксического анализа: каждая корпусная единица сопровождается дополнительной лингвистической информацией о синтаксических ролях главных и некоторых вторичных актантах, типах предиката (как в исходном, так и в переводном предложениях), способе грамматической трансформации исходной

структуры, а также элементы метаразметки (приписанные атрибуты: сведения об авторе, переводчике и тексте, что позволяет рассматривать диахронические срезы и проводить анализ личностных особенностей перевода). Итоговым результатом анализа стал расчет коэффициента агентивности японского высказывания по формуле: $(\text{ранг недуш. субъекта}^{\text{max}=6} * (\text{ранг предиката}^{\text{max}=6}) - \text{доп. вес}^7) / (0,36 * 100)$ (тип недуш. субъекта), учитывающий вклад двух главных переменных (степень агентивности субъекта и предиката с учетом показателей дополнительного веса), нормированный по максимальному значению для определения относительной величины, показывающей вклад двух признаков в общее значение. Итоговый результат определяется как общий показатель агентивности высказывания; таким образом, выделяется количественный признак частотности каждой пары признаков «общий уровень агентивности субъектно-предикатной пары», выражаемый в числовом значении (из $\text{max} = 100$). Приведем пример из начала 2-й части романа, в переводах которого обнаружили разные количественные показатели агентивности: *Уверенность, что всё, даже память, даже простое соображение оставляют его, начинала нестерпимо его мучить.* Предикатная основа предложения «уверенность начала его мучить» в японском языке передана разными способами: – перемещение фокуса на человека с заменой глагольного предиката на адъективный ...と確信すると、たまらないほど苦しくなってきた⁸ ‘когда убедился, стало невыносимо мучительно’ (перемещение субъектного фокуса на человека и низкоагентивная адъективная форма предиката дают показатель агентивности, равный 22); – перемещение фокуса на человека за счет перевода уверенности в инструментальную позицию «из-за этих мыслей», а фокус на человеке как на субъекте, а не объекте мученийという考えに、彼はこらえようもなく苦しみ出していた⁹ ‘от этой мысли он начал невыносимо мучиться’ (субъектно-объектная замена и стативный¹⁰ предикат психического состояния дают показатель агентивности, равный 17); – полная трансформация исходного предложения, выражающаяся в исчезновении «уверенности» как таковой, даже в роли причины, как в случае выше – действие полностью сфокусировано на человеке, а исходный субъект в японском представлении растворяется в человекеと思いこむと、いても立ってもいられないような気持ちになってきた¹¹ ‘когда он думал об этом, то впадал в состояние невыносимого мучения’ (нулевой статус исходного субъекта и стативный предикат なる «становиться» = показатель агентивности, равный 8). Если визуализировать данные количественные замеры в виде шкалы снижения агентивности неодушевленного субъекта, получим следующую картину:

субъект сохранен	субъектно-объектная замена	субъектно-объектная замена
«уверенность Раскольников мучительна»	«Раскольников мучится из-за своей уверенности»	«Раскольников думает и мучится»
инородная для японской когнитивной языковой нормы пропозициональная установка	смещение фокуса с неодушевленного деятеля на человека	полное исчезновение неодушевленного деятеля

Рис. 1. Шкала трансформации исходной агентивности

2 Данный пример показывает возможные расхождения в уровне агентивности японских переводных вариантов – видно, что в результате трансформации прямое воздействие внешних сил на персонажа в разной степени снижается, что более соответствует японским когнитивным установкам. Таким образом, налицо пример переводческой стратегии доместикации, которая «приближает» исходный текст Достоевского к японскому читателю – чем меньше коэффициент агентивности, тем более текст приближен к нормативному японскому варианту. Некоторые варианты корпусных вхождений демонстрировали предельно широкие расхождения в выборе способов перевода одного и того же предложения – от сохранения полной грамматической и синтаксической эквивалентности до максимального уровня трансформации, например: предложение *Страшно тревожило его предстоящее свидание с Соней* переведено в разной степени сохранности оригинальной агентивности. В трех вариантах из пяти она была немного снижена за счет мены предиката и соответствующего изменения исходной валентности на дативную 怖ろしい不安を彼にあたえていたのは、目の前に迫ったソーニャとの会見だった¹² свидание «доставляло ему тревогу»; или за счет введения дополнительного соматического актанта «душа», расщепляющего прямое воздействие на человека: 彼の胸を騒がしていた¹³・ゆさぶっていた¹⁴のは、目前に迫っているソーニャとの会見だった «свидание тревожило / потряхивало его душу». В двух вариантах наблюдается субъектно-объектная замена, выводящая источник воздействия (тревожащее свидание) на синтаксическую периферию и снижающая тем самым уровень воздействия на человека: ひどく胸を騒がせられていたのは、目前に迫っているソーニャとの会見であった¹⁵ пассивная конструкция «свидание, которым он был сильно встревожен»; и вариант с двумя дополнительно вводимыми актантами «душа» и «голова» для еще большего снижения агентивности: ソーニャを訪れなければならぬとの思いがたえず頭にちらつき、ときとしてははげしい胸さわぎを覚えるのだった¹⁶ «мысль о том, что ему надо идти на свидание с Соней, то и дело вспыхивала у него в голове, и он чувствовал душевное волнение». Таким способом были проанализированы все 1165 корпусных единиц, а полученные результаты позволили поставить несколько вопросов и сделать некоторые выводы в рамках филологического анализа. Во-первых, на основе полученных результатов мы смогли проверить изложенный выше публично высказываемый тезис об упрощении японских переводов «новой школы». Снижение агентивности высказывания может являться одним из показательных примеров доместикации иноязычных текстов (возможно, отражающий общие тенденции развития японского языка в сторону упрощения; данная корреляция требует дополнительной проверки степени изменения исследуемого параметра на более обширном текстовом материале), поэтому проверим японские переводы в диахронии с точки зрения их соответствия японской нетранзитивной модели представления действительности. Мы разбили массив данных на три блока – 1) довоенный перевод; 2) эпоху второй волны интереса к русской классической литературе в 50–60-е гг; 3) начало XXI в. как период активной деятельности «новой школы» перевода – и получили следующие данные:

³ *Диаг. 1.* Диахронический анализ стратегий переводов романа «Преступление и наказание»

⁴ Таким образом, было доказано положение о доместикации японских текстов «нового перевода» по признаку упрощения синтаксической структуры предложения, которая в текстах нового перевода действительно подвергается большей трансформации, т.е., японская переводческая индустрия в целом стремится соответствовать японской когнитивной норме и представлению об устройстве окружающей действительности. В данной работе эти выводы были сделаны только на примере перевода романа «Преступление и наказание», но на разных этапах исследования мы пробовали применить этот метод анализа и к текстам А.П. Чехова, переведенным в разные временные эпохи на японский язык; результаты расчетов количественного анализа агентивности, выраженной разными способами (не только актантное распределение ролей – мы пробовали включать в формулу показатели иноязычных заимствований, длину предложений и членение на абзацы, определять влияние ономастопозитического фактора и т.д.) тоже демонстрировали упрощение японских переводных текстов. Цифровые методы исследования в данном случае высвечивают те тенденции, которые незаметны при традиционной работе с текстом как трудно формализуемым потоком смыслов — в такие рабочие моменты обнаружения неожиданных закономерностей «в том, что казалось хаосом, стал заметен паттерн» [2, с. 334]. В постановке следующих задач исследования в контексте измерения агентивности для определения факторов, обуславливающих поступки человека, мы исходили из существующего в достоевистике перечисления таких движущих сил развития личности. Анализ ключевых слов научного дискурса по проблемам художественного образа у Достоевского показал, что человеком в равной мере могут двигать: неожиданные встречи, собственные мысли, семейные обстоятельства, разговоры и мысли, любовь к родным, социальное положение, борьба за существование, идеи, восприятие собственного поступка, духовное перерождение, нравственная задача, моральная дилемма, болезненная раздражительность, переутомление и полуголодный образ жизни, ощущение правоты, расшатанность психики, борьба с социальными запретами, страдания и унижения, рациональные желания и иррациональные устремления; иногда во всем бывает виновата «проклятая психология», иногда — топографические фигуры: город, улица, архитектура, комната и иные топографические детали, вплоть до городской пыли и вони, которые «потрясают и без того уже расстроенные нервы юноши» (о Раскольникове и Петербурге). Своеобразный перечень разного рода *стихий* как истоков развития личности человека дает Д.С. Мережковский: «У Достоевского всюду — человеческая личность, доводимая до своих последних пределов, растущая, развивающаяся из темных, стихийных, животных корней до последних лучезарных вершин духовности, всюду — борьба героической воли: со стихией нравственного долга и совести — в Раскольникове; со стихией сладострастия, утонченного, сознательного — в Свидригайлове и Версилове; первобытного, бессознательного — в Рогожине; со стихией народа, государства, политики — в Петре Верховенском, Ставрогине, Шатове; наконец, со стихией метафизических и религиозных тайн — в Иване Карамазове, в князе Мышкине, в Кириллове. Проходя сквозь горнило этой борьбы, сквозь огонь раскаляющих страстей и еще более раскаляющего сознания, ядро человеческой личности, внутреннее я остается

неразрушимым и обнажается» [5, с. 142]. Список внушительный; интересно проследить, что из этого сохраняет свою каузативную силу в японских переводах; *чему подчиняется, с чем борется и чему противостоит человек в японском понимании?* Ответ на этот вопрос дает количественный филологический анализ высокоагентивных субъектов исходного повествования в их японских вариантах – проследим, как меняются мотивы поведения главных героев романа «Преступление и наказание» в динамике по мере развития сюжета — чем обусловлено признание, что послужило толчком к перерождению и т.д. Иными словами, измерим воздействие внешних сил на героев произведения по мере развития сюжета: проследим, как распределено столкновение героев «Преступления и наказания» с внешним неодушевленным миром предметов, ситуаций и психофизических состояний, выражаемое в языковом представлении предложениями, где субъект — неодушевленная *Сила* (как иногда обозначают неодушевленный агентс), а объект воздействия — человек. Соответственно, для решения этой задачи мы формализовали весь массив данных в виде набора предикатных ядер вида *удовольствие охватило его, комната давила на него* и т.д., и проанализировали, как распределяется воздействие внешних обстоятельств на героев по мере развития сюжета:

⁵ *Диаг. 2.* Прирост / потеря агентивности высказываний с неодушевленным каузатором как «внешней силой» в динамике развития сюжета романа «Преступление и наказание»

⁶ Прежде всего, были получены нетривиальные выводы и вне связи с японским языком: внешняя исходная агентивность, высокая в начале романа, когда описывается задумка и реализация преступления, падает к середине повествования и резко нарастает, достигает почти двукратного значения в финале произведения (на диаграмме выделена бледным оттенком с соответствующими числовыми показателями). В японских переводах (выделено темным оттенком) наблюдается потеря агентивности в 1,5–2 раза, что доказывает существующее в научном поле положение о склонности японского языка к непереходной модели репрезентации в языке окружающей действительности¹⁷. Интересно, что динамика внешнего воздействия на героев в японском варианте сохраняется примерно в той же пропорции: потери по частям и главам в числовом измерении составляют от 10 до 20 единиц, за исключением заключительной части романа, где потери ощутимо больше; можно предположить, что в японской когниции есть некоторые «пределы агентивности»: чрезмерное давление внешнего мира на человека, достигающее своего пика в финале романа, где Достоевский задает невыносимо высокое напряжение (при этом особенно поражает вариативность психоэмоциональных рычагов воздействия – от *апатии, малодушия и отвращения до любопытства, бешенства и страсти*) у японцев сглаживается до разумно допустимых границ. На следующем этапе исследования мы проверили эту тенденцию на уровне отдельного фрагмента нарратива, включающего события непосредственно перед совершением преступления, саму сцену убийства и первые часы после него. В данном фрагменте у Достоевского каузаторами выступают целое множество неодушевленных субъектов, которые *одобряют, охватывают, занимают, сбивают, овладевают* Раскольниковым. Сами субъекты в порядке появления в романе по мере развития сюжета перечислены по оси X, а по оси Y

отложена степень агентивности того или иного внешнего фактора – насколько он повлиял на совершение соответствующих поступков.

⁷ *Диаг. 3* Воздействие внешних сил в масштабах одного фрагмента романа «Преступление и наказание»

⁸ Исходная агентивность в данном случае одинакова: в русском языке все перечисленные структуры одинаково высокоагентивны (max = 100) и выделены общим темным фоном. Средний показатель японского восприятия агентивности обозначен сплошной светлой линией, которая имеет три пика и один минимум. Рассмотрим данные максимальные и минимальные пиковые значения в их связи с сюжетом. Первый пик (т.е., практически единодушное признание японскими переводчиками когнитивно инородной каузации неодушевленного субъекта) приходится на мучительный *вопрос*, который ретроспективно задает себе Раскольников: «*Сначала — впрочем, давно уже прежде — его занимал один вопрос: почему так легко отыскиваются и выдаются почти все преступления и так явно обозначаются следы почти всех преступников? Он пришел мало-помалу к многообразным и любопытным заключениям...*». Данное умозаключение имеет большое значение для понимания дальнейшего пути героя; и все японские переводчики выделяют этот *вопрос* как в значительной мере определяющий дальнейшие действия Раскольникова. Второй пик соответствует моменту убийства и следующему предложению: *но какая-то рассеянность, как будто даже задумчивость, стала понемногу овладевать им*: это тоже ответственный момент для понимания психологии и дальнейшей судьбы героя, т.к. в этой *рассеянности* он совершает несколько ошибок, которые потом приводят его к (само)разоблачению; японские переводчики также маркируют это психоэмоциональное состояние персонажа как когнитивно выделенное. Третий пик агентивности интересен с точки зрения перепадов настроения Раскольникова, которого на пороге полицейского участка бросает от решимости «*войду, стану на колена и все расскажу...*» до полного *торжества самосохранения*, охватывающего его в момент понимания, что его вызвали *не по тому делу* — вот это состояние нечаянного и уже неожиданного спасения и сохранено во всех японских переводах с максимальной агентивностью — т.е., «*Торжество самосохранения, спасение от давившей опасности*» Раскольникова в полном праве с точки зрения японского лингвокогнитивного обоснования «*наполняло в эту минуту всё его существо*». Агентивный минимум в контексте сюжета приходится на момент пробуждения из полубреда Раскольникова, вызванный *стуком в дверь*, который не является когнитивно нагруженным в японском понимании (хотя здесь следует отметить, что у Достоевского *шум, гомон, вопли* и другие *звуки* имеют весьма значимые функции) и, как следствие, принимает самые низкие показатели агентивности. Таковы возможные трактовки данного отрывка романа сквозь призму агентивности неодушевленного субъекта как показателя степени взаимодействия персонажей романа с внешними силами. Таким же образом можно проследить тенденции прироста или потери значений числовых показателей каузативной силы на протяжении всего романа, что очевидно выявит и другие закономерности развития сюжета или более выпукло обрисует характерные черты персонажей. Следует отметить, что в корпусе встречались случаи единства переводчиков не только в вопросе сохранения исходной агентивности, но и при трансформациях.

Так, например, в начале романа в описании характера Разумихина: в предложении *Никакие неудачи его не смущали* при сохранении общей семантики исходного предиката все переводчики перемещают персонажа на позицию центрального аргумента, в результате чего предикат во всех вариантах приобретает непереходные характеристики, а смысловой акцент смещается на характер героя: ラズーミヒンはどんな心配にも決して驚かない¹⁸ (Разумихин не боялся никаких неудач); ラズーミヒンの特徴は、どんな失策をしてもびくともしない¹⁹ (не отступал ни перед какими неудачами); どんな失敗にも決して頭をかかえこまない²⁰ (не склонял головы ни перед какими неудачами); どんな失敗にもけっしてあわてず²¹ (не терялся ни при каких неудачах); どんな失敗にもくじけず²² (не падал духом ни из-за каких неудач). Еще один подобный пример, но с перемещением персонажа в центр пассивной конструкции: в начале 6-й части романа, когда у главного героя уже нет сил бороться, силы на исходе, и фигура Раскольников, как указали информанты-носители языка, уже вызывает «настоящую жалость», японские переводчики единогласно синтаксически помещают Раскольникова в фокус эмпатии (с разницей только в лексических оттенках слова «овладевать, охватывать»), меняя исходное предложение *Порой овладевала им болезненно-мучительная тревога* на страдательную конструкцию, которая акцентирует чувства читателя на состоянии персонажа. Это значительно корректирует текст Достоевского, но это очень «по-японски»; к тому же, выбранная пассивная форма глагольного предиката призвана подчеркнуть отсутствие сопротивления, что и результируется в японском варианте: ラスコーリニコフは病的な苦しい不安に襲われて・かられて・捉えられて ‘Раскольников был охвачен мучительным чувством тревоги’ (и ничего не мог с этим поделать). Возвращаясь к вопросу о единогласии переводчиков в выборе единиц и структур оригинального текста для когнитивного маркирования (допуска неодоушевленных субъектов на престижные синтаксические позиции): показательно, что полное сохранение исходной агентивности наблюдается также в описании двух ключевых сцен романа – финала, в котором провозглашается *Их воскресила любовь*, где *любовь* единогласно сохраняет позицию главного актанта в японском варианте: 愛が彼ら・二人を復活させた・蘇らせた; и в сцене чтения Соней Евангелия и раскрытия Раскольниковым ей тайны преступления, когда *Давно уже незнакомое ему чувство волной хлынуло ему в душу и разом размягло ее* сохраняется всеми переводчиками дословно: もういつからか経験したことの無い・忘れていた感情が、彼の心・胸へ波のように押しよせて・満ちあふれて、みるみる・たちまち・一挙に彼の心を柔らげた Литературоведы неоднократно подчеркивали, что в данной сцене заключен один из главных смыслов романа (например, К.А. Степанян отмечает, что это указание на Путь к Христу, а Соня описываемое Иоанном событие «как бы в очию сама видела» [7 и др. работы]). Можно сделать вывод, что в японском понимании такие значимые ситуации и высшие чувства также являются непреодолимой силой, которая и приводит Раскольникова к признанию в содеянном.

⁹ **Выводы** Таким образом, количественный анализ позволил выявить статистически значимые закономерности распределения синтаксических ролей в описании образов романа «Преступление и наказание» с учетом проявленности

агентивности неодушевленного каузатора как «внешней силы» в японском предложении и в целом подтвердил данные качественного анализа японского текстового материала. Обнаруженное методами анализа больших данных единство японских переводческих решений может свидетельствовать о сформированности типизированного лингвистического опыта носителей японского языка и определить вектор дальнейших литературоведческих исследований. Таков потенциал цифровых методов в филологии: Ф. Моретти подчеркивает, что «когда мы изучаем 200 тысяч романов вместо 200 – мы не просто делаем то же самое, только в 1000 раз больше. Новый масштаб изменяет наше взаимодействие с объектом и, по сути, меняет сам объект» [2, с. 325], а Б.В. Орехов называет цифровые навыки «дополнительным измерением мышления» [3]. В рамках данного исследования мы понимаем это так: анализ японских трансформаций образов Достоевского на материале больших данных обеспечивает исследователю новый масштаб видения этих образов и других объектов изучения – на стыке двух языков выявляется неявное, проявляется непроявленное, и мы начинаем видеть в текстах Достоевского больше, чем могли бы обнаружить традиционными методами филологического анализа.

Примечания:

1. >>>>

2. >>>>

3. >>>>

4. >>>>

5. >>>>

6. В лингвистической теории такие свойства одушевленных и, реже, неодушевленных субъектов оказывать воздействие на других участников ситуации в совокупности обозначают как семантическую категорию *агентивности* – далее в работе данный термин будет употреблен как самостоятельно, когда речь будет идти об *уровне* или *степени агентивности* (воздействия) отдельной языковой единицы или целого высказывания, так и в производных терминах *высокоагентивный* (обладающий силой воздействия) и *низкоагентивный* (обладающий слабой способностью оказывать влияние на ход событий).

7. Дополнительными весами при расчете служили грамматические показатели вторичных актантов (например, замена оформления орудийного актанта с дативного на инструментальное снижает агентивность за счет меньшей степени контакта с главным актантом); такие семантические показатели, как бенефактивность, повышающая допустимость использования неодушевленного каузатора за счет смещения смыслового фокуса с осознанной направленности воздействия на человека на получение человеком положительных эмоций, и др.

8. Пер. Ёнэкава М., 1935 г.

9. Пер. Китагаки Н., 1967 г.

10. При определении типа предиката не учитывались его служебные вспомогательные компоненты: аспектуальность ~てある・~ている, фазовость ~出す, пространственная и временная направленность ~ていく・~てくる и т.д.

11. Пер. Кудо С., 1961 г.

12. Пер. Кудо С., 1961 г.

13. Пер. Ёнэкава М., 1935 г.

14. Пер. Китагаки Н., 1967 г.

15. Пер. Накамура Х., 1914 г.

16. Пер. Камэяма И., 2009 г.

см.

см.

17. См., например, работу Ё. Икэгами о японском языке как become-language — языке, в котором, в противоположность do-language, преобладают выражения, акцентирующие результат действия и зачастую элиминирующие роль деятеля [6].

см.

18. Пер. Накамура Х., 1914 г.

19. Пер. Ёнэкава М., 1935 г.

20. Пер. Кудо С., 1961 г.

21. Пер. Китагаки Н., 1967 г.

22. Пер. Камэяма И., 2009 г.

Библиография:

1. 1. Фудзии И., Накасима А. Хонъяку-но хинкаку. «Синъяку»-ни дамасарэру на [Достоинство перевода: не быть обманутым «новым переводом»]. Токио: Дзика сюппанкай, 2012. 2. Моретти Ф. Дальнее чтение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 3. Орехов Б.В. Цифровые исследования литературы // Интервью 04.08.2016. <https://postnauka.ru/video/667914>. 4. Стрижак У.П. Тексты «нового перевода» в Японии в XXI веке: вариативность когнитив-ных трансформаций (на материале русско-японских параллельных корпусов художе-ственных текстов) // ЯПОНИЯ XXI NOVA: эра и век. СПб: Изд-во Art-xpress, 2020. С. 484–493. 5. Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. М.: Наука. 2000. 6. Икэгами Ё. «Суру» то «нару» но гэнгогаку [Лингвистика: «язык-делать» и «язык-становиться»]. Токио: Тайсюкан, 2011. 7. Степанян К.А. «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф.М. Достоевского: дис. ... доктора филол. наук : 10.01.01: М., 2007.

Cognitive transformation of artistic images in Japanese translations of F. M. Dostoevsky: experience in digital analysis

*Associate Professor of School of Asian Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, Academic Supervisor of "Asian Studies" Educational Program, National Research University Higher School of Economics
Russian Federation, Moscow, Pokrovsky Bulvar, 11*

Abstract

The phenomenon of "Dostoevsky and Japan" is the subject of active consideration by specialists in Dostoevsky studies all over the world. Translations of his works into Japanese continue to cause numerous discussions of translators and literary critics, both face-to-face and indirect. One of the central topics for discussion is the problem of the artistic image in the texts of F.M. Dostoevsky, which is usually considered using traditional methods of philological analysis while the linguistic study of literary texts is gaining attention in literary studies. The methods of corpus and computer linguistics reveal various trends, statistically significant patterns, etc., which is becoming more and more in demand in various areas of philological interest: in studying the dynamics of plot development, analyzing the rhythmic organization of texts, in studies of grammatical and lexical features of the writer's personal style and other areas. The use of digital humanities' technologies in addition to the tasks associated with data processing makes it possible to formalize these tasks to state the texts' problems in the language of algorithms. In this article the mechanisms of cognitive transformation of the image of Rodion Raskolnikov from the novel by F.M. Dostoevsky "Crime and Punishment" will be studied using the methods of big data analysis. The current study was carried out on the material of the author's parallel corpus of Russian-Japanese translations, where the sentences containing propositional attitudes unusual for the Japanese language were selected: the elements of the influence of an inanimate subject on a person. This will help to trace how the Japanese language represents the confrontation between the Human and the external Force representing the inanimate world; to draw conclusions about the formation of typified linguistic experience in Japanese speakers' mental space. Besides, the ways of cognitive transformation of artistic images of foreign literature in the Japanese representation will be considered.

Keywords: Japanese translations of texts by F.M. Dostoevsky, cognitive transformation, digital philology, artistic image, agency

Publication date: 25.09.2023

Citation link:

Cognitive transformation of artistic images in Japanese translations of F. M. Dostoevsky: experience in digital analysis // Digital Orientalia – 2023. – V. 3. – № 1-2 С. 50-64 [Electronic resource]. URL: <https://do.jes.su/S278240120027689-0-1> (circulation date: 04.07.2024). DOI: 10.31696/S278240120027689-0

Код пользователя: 0; Дата выгрузки: 04.07.2024; URL - <http://ras.jes.su/orientdig/s278240120027689-0-1> Все права защищены.